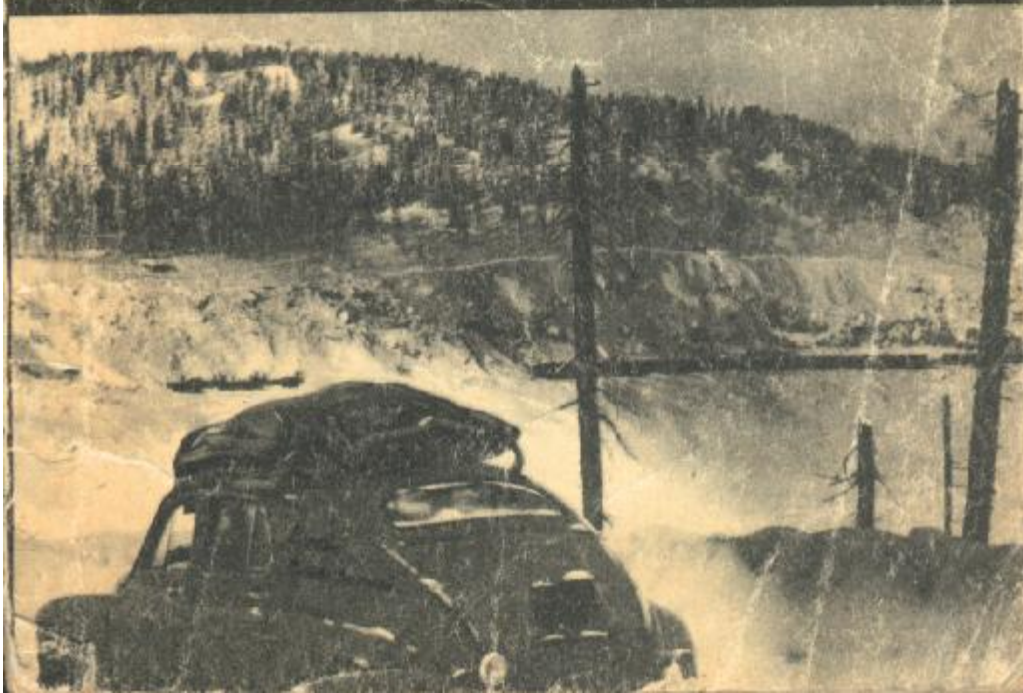

В. Урсул

1001

GL 186

Labmerworte

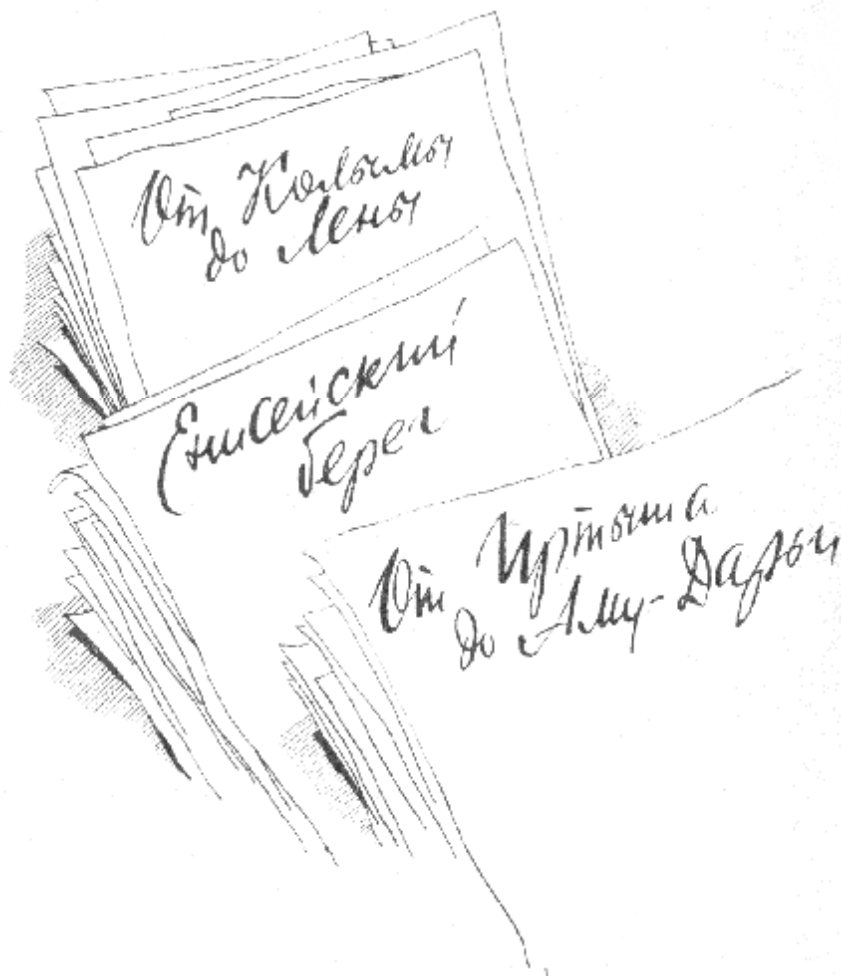

От полюса холода (Сунтар-Хаята)...

Виктор Урин

ВОЛГОГРАДСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

ПЕРВОЕ автомобильное путешествие из Москвы во Владивосток описано мной в книге «179 дней в автомобиле».

Там было шесть главных героев.

Май жил на Волге, с Июнем мы встретились на Урале, Июль праздновал новоселье в Восточной Сибири, Август трудился на западносибирских стройках, Сентябрь — в Забайкалье, Октябрь — на Дальнем Востоке.

В сегодняшней Сибири, еще недавно такой малолюдной, люди скапливались, как волны, образуя новые человеческие моря.

Был такой термин: обезлюживание.

Богат наш язык, но где то единственное слово, которым можно обозначить могучий приток народа в восточные районы?

Хотелось побывать и на Крайнем Севере. На машине? Да!

Для этого пришлось грузить свой легковой вездеход «М-72» с волгоградским номером ВЩ-63-86 на пароход «Феликс Дзержинский» и через Японское и Охотское моря переправлять автомобиль из бухты Находка в бухту Нагаева.

Бухта Нагаева — морские ворота легендарного колымского края.

О своем втором путешествии — от Магадана до Оймякона — я рассказал в книге «По колымской трассе к Полюсу холода».

Рудники и прииски, мерзлотная электростанция и парниковые овощи на 63 градусе северной широты, автопоезда с тремя прицепами и шахты Колымбаса—

все это возникло на глазах у одного поколения советских людей, которые своими сердцами отогрели вечную мерзлоту жестокого и прекрасного края.

Вы держите в руках третью книгу, которая рождалась в новых автопоходах по родной стране. Эта книга в несколько раз меньше тех, что выходили у меня прежде, хотя дорог пройдено значительно больше. И все-таки в трех главах я попытаюсь рассказать вам о самом памятном. О Хандыгской трассе. О красноярских железных аистах. О казахстанской радуге и узбекской дойре.

I. ОТ КОЛЫМЫ ДО ЛЕНЫ

■■■■■■■■■■ КОЛЫМЧАНЕ — ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЕ

Посмотрите на карту нашей страны. Она похожа на корабль, устремленный в завтрашний день. Кажется, стоит он на рейде в майской бухте, и Чукотка напоминает нос корабля, откуда заброшен в океан якорь Камчатки. Вот-вот подыдется якорная цепь Курильских островов, и наш корабль, отметив праздник, снова двинется по волнам будничной весны вперед, по заданному курсу. На корабле этом тружеников северо-востока можно смело назвать впередсмотрящими. Впередсмотрящие, рачительные хозяева валютной кладовой нашей державы, рапортуют к маю: плановые цифры, как высокая проба, досрочно отчеканены на золоте Колымы.

Когда бой Кремлевских курантов скажет нам, москвичам: «Спокойной ночи!» — на северо-востоке уже выйдут на первомайскую демонстрацию наши соотечественники-колымчане и среди них — знатный бульдозерист с прииска Мальдяк Иван Лесковский, который применил новую схему вскрыши торфов и за год передвинул 106 тысяч кубометров грунта. Это почти три годовых плана. И никто не удивится, если Лесковский скажет:

— Я встречаю Первое мая будущего года...

От Магадана на север убегает неутомимая колымская трасса. Мне она представляется коридором огромного общежития, где каждый знает каждого хо-

рошо и долго. Мимо мудрых, убежденных седидами сопков, через перевалы и мосты, по еще не растаявшему майскому снегу бегут автопоезда с двумя-тремя прицепами.

Автомобилисты Иванов, Аксионайтис, Тукаев, награжденные золотыми часами, за год «набрали» по миллиону тонна-километров. Есть в нашей стране целые автобазы с таким годовым планом. Но если один экипаж способен выполнить подобную работу, если появляется лозунг: «Войти в миллион!» — мне как автотуристу-путешественнику особенно хочется послать первомайский привет тем самым рыцарям неутомимых колес, которым можно только позавидовать.

Впередсмотрящие покажут вам драгу и познакомят вас с новыми людьми новой техники. И вы поймете, что подобно этой плавучей фабрике золота, где день за днем накапливаются драгоценные крупницы, — современная Колыма становится фабрикой коммунистического мировоззрения, выявляя у молодежи золотые качества и выбрасывая в отвал жизни, как ненужную гальку, все, что недостойно Человека.

Мне довелось познакомиться в Кадыкчане с бригадой коммунистического труда Константина Крыловского. Скоропроходческий коллектив шахтеров поставил себе такую задачу: каждый должен овладеть профессиями взрывника, бурильщика, проходчика, машиниста вентиляторов, лебедчика, крепильщика.

— И оказалось, что нас не шесть человек, а тридцать шесть, — говорил Крыловский, награжденный медалью «Шахтерская слава». По почину Гагановой, он попросил направить его в отстающую бригаду, но ему сказали, что на шахтах Колымбаса нет ни одной отстающей бригады. Тогда он возглавил группу демобилизованных воинов, начал учить их горняцким профессиям, и его примеру последовали другие товарищи из этой знаменитой бригады, которая фактически стала кузницей бригадиров.

Здесь же, на шахте № 10, неожиданно встретился я со своим однополчанином (вместе форсировали Днепр), с Героем Советского Союза Андреем Лариным. Он тоже стоит во главе бригады проходчиков, которые хотят жить и трудиться по-коммунистически.

— Вы, наверно, удивитесь, если я скажу, что хо-

тя мы теперь работаем на час меньше, а зарабатывать при этом стали больше...

— Вот они, зримые приметы коммунистической жизни, — сказал стоявший рядом паренек, но Ларин мотнул головой:

— Не в этом дело. Ведь коммунизм не там, где меньше работать, а там, где хочется как можно больше отдать, не размышляя, сколько ты за это получишь...

Эти мысли, это внутреннее самоощущение — в самых различных сферах трудовой и общественной жизни колымчан. Я никогда не забуду контролера вентиляторов Ивана Булатовича, который колымский снег называет зимним мрамором и бескорыстно отдает свое время детям, пытаясь развить их художественные наклонности. Делает он это по-своему. Он строит снежные торы, украшает их ледяными заборами, резьбой по снегу, орнаментами и вазами и учит ребят любить эти сказочные снежные скульптуры.

— Просто обидно, — оказал я, — что вы тратите столько сил. Ведь все это растает!

— А цветы? — сказал этот великодушный скульптор. — Ведь цветы тоже приносят временную радость. Вот и мой зимний мрамор живет только восемь месяцев, но зато он радует людей и завоевывает новых энтузиастов... Главное, приносить людям радость!

Не удивляйся, дорогой читатель, что Первого мая я говорю тебе о снеге. Ведь мне хочется рассказать о людях северо-востока, которые раньше всех в стране выходят на демонстрацию и позже всех расстаются с зимой. И я хорошо себе представляю, как в первомайские дни кадыкчанские ребятишки с визгом летят на салазках с той самой чудесной, сказочной горки, которую день за днем создавал контролер вентиляторов, золотой человек Иван Булатович.

Впередсмотрящие будут говорить и о сельском хозяйстве, о том, что в совхозе «Дукча» в 1956 году было собрано 680 тысяч яиц, а через три года этот совхоз уже дал колымчанам шесть с половиной миллионов яиц! Вас интересует молоко? Еще недавно возили на Колыму порошковое, а сейчас, например, доярка Теодория Мацкив надоила по четыре тысячи килограммов молока от каждой коровы. И это в зоне

вечной мерзлоты! А белокочанная капусту а картофель и парниковые огурцы, а тепличные помидоры — все это нелегкий и самоотверженный труд колымчан, которые на Крайнем Севере поднимают целинные земли, засевая их зерновыми культурами.

Есть что-то символическое в том, что слово «целина» именно в наши дни стало таким популярным. Непочатый край нетронутых дел как в созидательной жизни страны, так и в стране человеческих отношений. Целина, как метафора. Целина — это не только миллионопудовые урожаи хлеба, но и урожаи бескорыстия и благородства. Наконец, Первого мая мы вспоминаем космическую целину, но сказать точнее — не ее поднимают, а в нее поднимают, и особо важно, что на корпусах межзвездных спутников и ракет обозначены эмблемы рабочего класса, эмблемы пролетарского праздника, который мы отмечаем сегодня на всех пяти материках и в Космосе! Первомайское человечество, как целина завтрашнего мира. И в этом смысле лучше всего обратиться к тем слагаемым, которые уж составляют значительную сумму в коммунистическом фонде. Эти слагаемые — творческий труд и нравственный порыв к совершенству. Как не назвать вперёдсмотрящим бульдозериста Василия Шумкова, который за сезон на дражном полигоне передвинул сто тысяч кубометров земли. Это очень высокий показатель. Но если говорить о показателях его интеллекта, его художественного мироощущения, то лучше всего он сделает это сам, когда прочтет свои новые стихи:

Видишь, скована каждая пядь?

Ты обязан лед растопить,

Только это сумей понять, —

И сам будешь солнцем лить!

Человек, льющий солнцем делом своим и душой, — вот она, гармоническая личность реальной коммунистической жизни. Милые энтузиасты, кто измерит щедрые континенты хозяйской вашей души? И я чувствую себя счастливым, потому что живу среди вперёдсмотрящих, среди разведчиков будущего, которые поняли: надо начинать с самих себя, со своей души, со своей совести. О, если бы эта идея овладела каждым! Если бы каждый захотел повторить вслед за

красоту небывалую, а насчет полюса и не думайте... Но если рискнете — на Хандыгской сворачивайте у Томтора на север.

Прежде всего, что такое Хандыгская трасса? Посмотрите на карту. Из самой глубины Колымского края, от поселка Кадыкчан через Верхоянский хребет идет узкая паутинка. На языке картографов — второстепенная дорога. Временами эта паутинка прерывается, переходя в пунктир, что означает — тропа. Вот о чем говорила карта. И так до самого Алдана, до этой северной реки, впадающей в Лену. На Алдане наше путешествие должно было завершиться поселком Хандыга. Где-то севернее Хандыгской трассы и находится Оймякон. Берешь подробную карту — и все равно дорога в этот поселок не отмечена. Даже прерывистых черточек, обозначающих тропу, вы не отыщете.

В пути начинается мелкий дождь, и мы грустнеем. Несмотря на пасмурность, встречаются все же охотники и ягодники. Оно и понятно: во-первых, завтра воскресенье, а во-вторых, осень колымская вот-вот исчезнет, и люди спешат «отохотиться» за дичью или побольше набрать лесных осенних радостей на всю зиму.

Хандыгская трасса вьется по склонам сопок, и внизу, слева, эскортирует нас речка Аркагала, а справа отдают честь нависшие скалы.

Аркагалинские волны проведут автомашину к более широкому Аян-Юряху и передадут ему эстафету эскорта. Но теперь вода и автомашина будут бежать в разные стороны, потому что Аян-Юрях влюблен в Колыму и стремится к ней, на юго-восток, а нас зовет северо-запад. Со стороны Аян-Юряха это было не вежливо, бежать от нас в другую сторону, но что делаешь: любовь...

Изумленное Нерское плоскогорье понимало наши стремления и никого не обижало. Оно весело забрасывало желто-красными листовками как путешественников, так и голубопламенный Аян-Юрях. «Счастливого пути!» — говорили мам сопки.

Узкая, шириной в четыре метра, трасса время от времени выставляет столбы с надписью «Разъезд» и предлагает площадки-пятачки, чтобы вы могли раз-

минуться со встречными коллегами. До Эмтегея раза три нам попадались лесовозы и еще какие-то машины, и то они нам, то мы им уступали дорогу. Это зависело от «пятачка», вырубленного в скале. Кому было легче и безопаснее прижаться, тот и сторонился.

Тайга вокруг — непередаваемая! Темно-красные кочки, ярко-зеленые и лимонно-желтые березки. Стройные, как новогодние елочки, ну прямо-таки нарисованные... А высоченные лиственницы и сопки — в снегу. И столько оттенков золотого, красного и зеленого! Это похоже на парчу.

В поселке геологов Эмтегее вы впервые узнаете, где, собственно, проживают коренные ленинградцы.

Они проживают с небольшими отклонениями на шестидесятой географической параллели от Ленинграда до Магадана...

Двадцативосьмилетний горный мастер Зоя Хрусталева гоняет по трассе на своем мотоцикле. Она не боится показаться чересчур беззаботной или наивной, когда говорит:

— У нас в реке Аян-Юрях полно хариусов. Днем их ловят на удочку и сетями, а ночью — лучат, бьют острожкой на факел. Вообще здесь прекрасно можно проводить время: охота, рыбалка, ягоды. Вот только некогда, рабочий день у нас с мужем ненормирован, бывает, мотаемся по 24 часа в сутки.

Свитер у Зои ярко-желтый, берет темно-зеленый, а косы — как высохший колымский ковыль. Такова живая колымская осень — Зоя Дмитриевна Хрусталева.

Солнце уже село, остались розовыми только пестрые полосы облаков, когда возле речушки Тызгей мы остановились у пограничного столба: 870 километров от Магадана и 603 до Хандыга.

Было одновременно восемь часов вечера по-магадански и семь — по-якутски. Володя нацелил свой «ФЭД» на железный прямоугольный щит, где было написано:

Граница	
Якутская АССР	Магаданская область

— Дай бог, чтобы хоть что-нибудь полнилось, сказал Володя.

Интересное название — Тыэгей. По-якутски «ты» — легкая лодочка. «Эгей» — как теперь выясняется, не только русский, но и якутский возглас. И, разумеется, на Индигирке нам рассказали легенду об одном отважном якуте, который переправился через хребет Тас-Кыстабыт и с бодрым возгласом «эгей!» спустился на своей лодочке в новые края Нерского плоскогорья.

На правом берегу Индигирки, вернее, на протоке этой реки, мне сказали:

— Вон в том домике живут у нас детишки, они сместисы...

— Метисы, вы хотели сказать?

— Ну да: отец русский, мать якутка. Смешанная кровь, сместисы они...

И я решил зайти к «сместисам». В поселке познакомился с начальником дорожного участка Виктором Ивановичем Крусовым, его женой Евдокией Михайловной Слепцовой (она якутка) и тремя девочками: Ниной, Ладой, Таней.

— Вы очевидцы переходного момента, — сказал Виктор Иванович. — Здесь, на Индигирке, еще не совсем Якутия, но уже и не Россия в чистом виде...

От последнего Колымского поселка до Индигирки мы ехали примерно один час. Но когда очутились в Якутии, выяснилось, что никакого пути мы якобы не проделали — то же самое время: восемь часов вечера.

Местные жители могли бы нам сказать: — Вы прибыли к нам раньше, чем выехали оттуда...

Подобно золотой молнии брызнула Индигирка от Оймьяконского нагорья к северу и разломала пополам хребет Черского к востоку от Тубеляха. Похожая на рисованную молнию, Индигирка на изломе притаила пороги Бусика, названные так в честь инженера, который отважился однажды проникнуть в ущелье этой коварной реки и погиб. Я говорю об Индигирке — «молния» и знаю, что ее течение к северу от того места, где мы сейчас находимся, поистине молниеносно: среди утесов река несется со скоростью двадцати километров в час. Говорю: «золотая молния» и вспо-

минаю, как опытная Колыма вызывала молодую, золотодобывающую Индигирку на социалистическое соревнование: «Дадим больше металла любимой Родине!»

Прошло двадцать лет с того дня, когда на правом берегу Индигирки, в устье реки Неры обосновались геологоразведчики. Они раскинули палатки, а позднее соорудили несколько бревенчатых избушек. Тщательные геологоразведочные работы подтвердили предположения советских ученых о наличии богатых залежей золота на Северо-Востоке Якутии. В глухой тайге один за другим возникали золотые прииски. Одновременно с ростом горной промышленности расширялся и поселок, который называли Усть-Нерой. Четыре года тому назад он стал центром Оймяконского района.

И теперь все время путают: засылают самолетами грузы в райцентр, но они попадают не в Усть-Неру, а в поселок Оймякон...

Справа от дороги поднялась крутая высоченная сопка, вся багровая и до того по-осеннему яркая, что даже в пасмурный день от нее становилось светлее на душе. И все же удивительное смешение времен года. Снег на гребне — зима. Золотые лиственницы — осень, доцветают у самой трассы кустики запоздалых одуванчиков в белом пуху — лето, рядом журчит по остаткам вчерашнего первого снега совсем весенний ручеек...

Но стоило очутиться в Оймяконской котловине, как погода резко изменилась, двигаться стало труднее. Зимний колорит придавал окружающему лесу суровые черты, а разбитые мосты и завалы тормозили наше нелегкое продвижение.

И вот наконец Оймякон!

На берегу Индигирки выстроены школа, больница, клуб, много новых добротных домов. А где те убогие юрты, о которых писал академик Обручев? Их нет и в помине. Оймякон — это Первый Барагонский наслег, как называют в Якутии поселковые Советы. Сюда входит и скотоводческий колхоз имени Ленина. Колхозная дизельная электростанция раздала лампочки Ильича тем самым якутам, для которых в прошлом Полюс холода был ледяным погребом. Советские годы подарили им свет и тепло. Этот свет излу-

чается не только под вечер, когда якут может щелкнуть выключателем и прочитать газету или книгу на своем родном языке. Свет достоинства, уверенности и приветствия искрится в глазах у якутов, когда они ласково называют русского «нуча» или объясняют, что такое «шепот звезд».

Полюс холода! Температура около семидесяти градусов ниже нуля. И наверно, только здесь, когда дышишь, пары теплого воздуха моментально замерзают, становятся маленькими ледяными кристалликами, несколько мгновений трутся друг о друга, и слабый шорох кажется таинственным шепотом, на который способны только звезды...

Председатель сельсовета Марина Даниловна Товарнова, якутка, почти ровесница советской власти, говорит:

— Дочка у меня в третий класс ходит, зовут ее Саргэлана, что означает Радостная, Счастливая.

Марина Даниловна Товарнова рассказывает о людях своего поселка, о якутской интеллигенции, и мы узнаем, что Николай Марин окончил в Ленинграде финансовый институт, а Василий Заболоцкий — Львовский экономический. Узнаем, что учительница биологии Мария Готовцева улетела на курорт в Сочи, а Акулина Туласыпова учится в Иркутске на факультете иностранных языков.

Много в Оймяконе приезжих. Гамаюнов Владимир Александрович, заведующий оймяконской больницей, и жена его, Татьяна Викторовна, приехали сюда недавно, в Рязани они окончили медицинский институт. Их дочка Верочка родилась уже на Полюсе холода. Отец Гамакшва, заслуженный летчик, весь в орденках, прилетал с ним в отпуск. Кое-кто удивлялся:

— Все едут с севера на юг отдыхать, а вы наоборот.

На это летчик ответил:

— Летом на Полюсе теплее, чем зимой на юге, а для меня Оймякон теперь не просто Полюс, а родной дом.

И он принял участие в большом национальном празднике Ысыах. Борьба, бег, соревнования в прыжках на одной ноге... Специально для этого праздника запасали кумыс.

— Чтобы вам было понятно — это якутское пиво, — пояснила Мария Даниловна. — Только белое...

Словом, никто здесь, разумеется, не ощущает себя заброшенным на край земли, никто не говорит «оймяконский погреб», потому что на Полюсе холода много горячей, нужной работы. Совсем рядом люди научились выращивать картошку и такие парниковые овощи, как капуста, редис, даже огурцы...

Как и следовало ожидать, резина опять нас подвела. Когда мой спутник — демобилизованный моряк Володя Мусатов — клеил камеру, к нему подошел мальчуган и сказал;

— Дядя, дай мне один баллон. Я его надую, дырки нет — сделаю и летом купаться буду...

Но у нас на всех баллонах «дырки есть сделаны».

Оймякон — Полюс холода, где индигирский июль ныряет и плещется в широкой воде — одно из самых сильных наших полюсных впечатлений.

Обратный путь — уже испытанные дорожные мучения.

Володя на оймяконском «автопролазе» сказал, что за этот стодвадцатикилометровый рейс машина износилась, словно прошла тысячу километров.

— Когда человек дерзает, он как бы окрыляется, — говорил мне в Оймяконе Иван Степанович Сивцев, секретарь парторганизации колхоза имени Ленина. — А знаете вы, что такое тарыны?

И он рассказал, что неподалеку отсюда, на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, на горе Сунтар Хаята, работает высокогорная гидрометеорологическая станция.

— Грунтовые воды за лето не успевают растаять, и вот из них образуются огромные ледяные поля, настоящие ледники... Тарыны!

Лето здесь почти совсем не ощущается, ведь это и есть Полюс холода, на котором даже летом сохраняются ледники...

Кто бы мог подумать, что десять человек, оторванные, казалось бы, от мира ледяными глыбами-полями, не только не чувствуют себя отшельниками, но и выписывают... «Магаданскую правду». Да, это, пожалуй, единственное место на северо-востоке Якутии,

которое так тесно связано с Колымой. Казалось бы, вот уже прошло полмесяца, как мы расстались с колымчанами, но в краю многолетних мерзлотных пород снова слышали: «Магадан».

Это слово повторяют да леднике Полюса холода восемь раз в сутки.

— Я — Сунтар-Хаята, я — Сунтар-Хаята... Магадан, ты меня слышишь?

Магадан слышит тебя, Полюс холода!

Колымское управление Гидрометеослужбы принимает служебные радиogramмы и данные о географических условиях развития ледников, о тарынах и об осадках, которых здесь значительно больше, чем в окружающих низменностях.

Сорок пять раз садились у подножья горы самолеты, чтобы забросить сюда тридцать тонн продовольствия, психометрические, минимальные и максимальные термометры, барометры, самопишущие приборы и шары-пилоты, которые запускаются четырежды в сутки. Отвесные подъемы и спуски, затрудняющие продвижение, туманы, бураны и снегопады... Горные бараны, нарушающие однообразие высокогорной жизни... Никакой растительности... Дрова, сбрасываемые с самолета...

Все это придает станции «Сунтар-Хаята», пожалуй, единственный в Советском Союзе облик. Настоящая героиня среди ледяных тарынов!

И — исключительная контрастность. На этой же географической параллели, только у подножья Полюса холода, на берегу озера так называемого «Командировка».

Полюс холода — географическое понятие.

Но если рассматривать эти два слова, как метафору, то мы ее можем воспринять, как вершину всякой скованности, безмолвия и отчужденности. Однако это на якутской земле будет опровергать не только поселок Оймякон, но и ферма серебристо-черных лисиц, и местные авиаторы, и, наконец, высокогорная станция Сунтар-Хаята.

И даже когда-то дикая Хандыгская трасса, неутомимая подруга Полюса холода, как бы согревает его своей хлопотливой оживленностью и легендарной поэтичностью.

Только отыхали от Агаякана, выскочила из лесу рыжая лиса-сиводушка с шикарным черным хвостом. Вот она, скачет по дороге и вдруг останавливается, выгибает лапку и, как видно, хочет исполнить какой-то таежный танец.

— Ничего, — вздыхает он, — я еще тебя встречу, это запросто...

Кёбюме, или, как все на трассе называют ее, Кубома — видный поселочек. Восточные ворота Томпонского района с его центром Хандыгой на Алдане, который находится отсюда в 324 километрах. Расстояние пустяковое с точки зрения автострад, но, как нам это обещают встречные шоферы, «горя придется хлебнуть — это вам не колымская...»

Участок Каменистый. Подходящее название! Узкая, гористая Хандыгская трасса расширяется. Начиная от Кубомы, строят новую дорогу — вернее, расширяют старую четырехметровую трассу. Выворочена тайга, и под тонким слоем почвы и торфа —

голые камни. Ими завалена вся дорога. Она теперь широка, но ехать по здоровенным валунам не так-то просто.

Подымаемся все выше, выше в горы, резина прямо-таки топчет туман, и вот уже 1213 километров от Магадана — самая высокая точка хребта Сунтар-Хаята на Хандыгской трассе.

У Верхоянского горного кряжа десятки филиалов — больших и малых. Сейчас мы забрались на Сунтар-Хаятскую крышу, на водораздел между притоками Индигирки и Алдана. Казалось бы, тут и конец. Нет! На пути вырастет новый горный гигант, в сердце которого, точно острога в хребтистую рыбу, вонзится своим синим наконечником Восточная Хандыга.

И там, где этот гигант Сетте-Дабанский хребет особенно косяля, наконечник реки «е сломается, а, как иголка, прошьет извилистую, крученую прошву и потянет за собой в распадках быструю голубую ниточку да запад.

В речных изгибах и будет виться прижатая к скалам дорога — знаменитые и опасные Хандыгские прижимы.

Стоит круглая палатка — работает бульдозерная колонна. Расширяют дорогу. У палатки — водопад. По скалистому склону летит, дробясь, синее с белыми искрами. Дикие бараны ходят сюда на водопой, и кое-кто научился ловить их петлями.

Хандыга — речка бурная. На ее берегу разговаривать не приходится — все равно ничего не слышно! Потому что громче всех говорит сама зеленоволная красавица. С ревом, оставляя за собой темные, цвета бутылочного стекла, воронки, несется она среди сопков — далеко и долго. И трудно представить что-нибудь более красивое, чем эта золотая осенняя тайга и отражающая ее быстрая и чистая горная речка.

От дорожной дистанции Прижим и начинается целая серия опасных проходов в скалах хребта Сетте-Дабан. Берега зеленой, как море, речки Хандыги поросли шиповником. На колючих ветках висят продолговатые рубиновые ягоды. Они так переспели, что видно на свет каждое зернышко. А вчера ночью ударил мороз, и ягоды осеннего шиповника стали слаще вешнего майского меда!

«Командировка» дистанции Россомаха. Стоят две палатки и два тырдоха (юрты). Живет заправщик и колонна самосвальщиков. Рядом течет ручеек, впадает в Хандыгу. Но прежде чем сюда приехать, мы одолели один из самых сложных прижимов — Дураковский.

Растянувшись почти на два километра, он вьется по крутому обрыву петлями на высоте трехсот шестидесяти метров. Хандыга внизу кажется крохотной: похоже, что кто-то разлил зеленые чернила, и вот они льются по светлому песчаному берегу узеньким, извилистым ручейком. Над дорогой нависают темно-серые и желтые, ржавые и голубые, влажные от небольших водопадов камни.

Далее — прижим Черный, над которым нависают темные скалы, следующий — Желтый, возле него строится новая метеостанция, стоят две палатки. Над входом одной из них прибита медвежья лапа.

Прижим Ласточкин хвост. И вот что здорово: стоило нам перевалить через хребет — и сразу тебе осинки да рябинки. Просто соскучились по этой русской радости. Осинки здесь не красные, а золотые, но трепещут они на ветру совсем как у нас в Подмосковье... Как бы горят огненные, перистые листья. А сегодня — сразу, как по команде, на 1330 километре от Магадана встретила нас первая елочка! Высокая, тонкоствольная, лапы — густые, не раскидистые. И так ярко выделяется эта зелень на фоне желто-красной примелькавшейся уже парчовости. Да, когда смотришь издали на сопки (в солнечный день, а не сегодня), то красно-буро-зеленый покров ощущается как ворс ковровой дорожки — бурое, красное и зеленое.

За Россомхой — Пшанный прижим и Чурочный (на память о газгеновой эпохе). Таким образом в своей «глубинке» Хандыгская трасса снова напомнила о подвигах шоферов и о «хитрых» чуркокомбинатах. И еще приятно мне было встретить у ручья автобус и два грузовых такси: полевая партия из Магадана. Вместе с ними ходил я на охоту, ели мы шиповник и голубицу, вспоминали знакомых, и вдруг я себя почувствовал бывалым колымчанином с особенной «ягоднинкой»...

Поселок Томпорок — дорожник и геологоразведчик. На северо-восток он проложил трассу до Тополиного (200 километров). Далее налаживает «зимники» от реки Томпо к Полярному кругу. А на юге Томпорок ведет разведку на Дыбы и Усть-Наталью. Осталось сто километров до Хандыги. И покатали мы дальше, к Теплому Ключу. И я вспомнил один эпизод, который оставил на «закуску», прежде чем расстаться с описаниями Хандыгской трассы.

Когда ехали по прижимам, помнится, стояла на краю каменной скалы тоненькая одинокая березка. Налетел сырой туманный ветер. И сорвался вниз с обрыва последний золотой листок.

Машина стояла на мосту, и в зеркале отражались: кусок скалы, на ней голая сухая лиственница и книзу — бегут, несутся зеленые хандыгские волны с белыми гребешками.

И эта бегущая в обратную сторону вода, отраженная в зеркале, возвращала нас назад, пробуждала воспоминания о колымской земле...

Вот тут-то из желтой поросли вышла красавица лиса: огненная, хвост — пером и белоснежная кисточка. Мы с Володиёвым у машины о чем-то громко говорили и наверняка спугнули бы лису, но выручила река: бурлит, шумит — лиса и не услышала нас. По крайней мере, так мы решили.

— Это та самая! — взволнованно прошептал Володя и на цыпочках подошел к дверце. Он схватил «тулку», зарядил ее жиганом и бережно приставил цевье к своему плечу. Грянул на этот раз меткий выстрел, и лиса где стояла, там и прилегла и, похоже было, уснула.

— Что я говорил? — победоносно воскликнул Володя. — Кто кого? В Хандыге я эту шкурку сам сделаю, это запросто...

Колымчане, да и не только они, спрашивали нас: давно ли путешествуем, не устали ли, где и как ночуем и какие у нас планы. Поскольку подобных вопросов было много — отвечу сразу.

Путешествуя, человек как бы все время читает книгу, одним из героев которой является он сам.

События и происшествия сменяются картинками природы, человеческие судьбы и характеры сталки-

(Точно, говорю я про себя, во всяком случае, кто-то, а уж Колыма, так действительно — весь Советский Союз и по своему национальному составу, и по месторождению людей, и, наконец, по биографиям, каждая из которых — кусочек живой истории нашей многонациональной страны).

Гатти считает, что величие советских достижений заключается не в школе, госпитале, клубе, построенных на берегу Черного моря или Калининградской области, а в том, что люди сумели создать нормальную жизнь в условиях, где зимой — 60, а в единственном летнем месяце + 40 градусов.

«Народ объединен в одной и той же борьбе против грозных ужасов холода, — пишет А. Гатти. — Эта земля, над которой они столько поработали и еще столько поработают, в конце концов должна поработать для них».

Вечная мерзлота и связанные с ней проблемы жизни, труда, строительства и эксплуатации природных богатств Якутии занимают большое место в репортаже Армана Гатти.

Недавно Якутия отметила трехсотую годовщину своего присоединения к России. Но за сорок советских лет «империя холода и страна золота» шагнула в своем развитии значительно дальше, чем это было сделано за два с половиной столетия.

Октябрьская революция привела феодальную Якутию в социалистический мир, и бездорожья капитализма остались где-то за бортом ее истории.

У якутов очень восприимчивый характер. В Средней Азии некоторые даже не очень старые люди все еще цепляются за темные обычаи старины.

— А у нас наоборот, стараемся усвоить новое. Почему не воспринимать — если это лучше? — говорил ответственный секретарь Хандыгской газеты «Красное Знамя» якут Дмитрий Петрович Григорьев. — Мне вот окорю 50 лет, и я это наблюдаю с самого детства.

О чем мечтает Якутия? О каких новинках? Соревнуясь с Магаданской областью, она мечтает обогнать свою восточную соседку в производительности труда и в материальной отдаче государству.

И пусть сегодня золотая Колыма впереди — за-

втра (на то есть все основания) алмазный Виллой свою республику выдвинет на первое место.

Семилетка! Вот что прекрасно и грандиозно! Вот ради чего все наши усилия и бессонные ночи. И ты себя приобщаешь к этой деятельности миллионов и начинаешь понимать, что твои усилия так же значительны и нужны, как и любая трудовая вахта. Все горестное и мучительное уходит на второй план, становится приглушенным и незначительным перед одухотворенным, счастливым лицом, с каким смотрит на тебя время.

Из Якутска предстояло добираться до Усть-Кута.

О том, чтобы идти своим ходом, не могло быть и речи. Пришлось грузиться на теплоход «Волгоград», затем совершать пересадку на какой-то рефрижератор, затем на попутную баржу...

Коварная ленская магистраль то и дело задерживала нас на мелях, а однажды, при перегрузке, машина сорвалась с веревок и грохнулась на бок, после чего пришлось в Киренске становиться на солидный ремонт.

Так что неизвестно еще, где опаснее. Одно только ясно — длительные «водные процедуры» автомашинам противопоказаны.

Но нет таких огорчений, которые бы не становились истоком новых радостей. Эта радость — подарок своенравной Лены — заключалась в том, что неожиданно для себя я сделал некое географическое открытие.

Разумеется, это не такое открытие, которое немедленно будет оценено в научном мире, но все-таки...

А суть вот в чем. Как известно, чешские путешественники — автомобилисты Зикмунд и Ганзелка — переправляли свою «Татру» по Атлантическому океану с Африканского берега в Южную Америку. Кратчайшее расстояние между двумя этими континентами (скажем по-сухопутному) около трех тысяч километров. А длина русской реки Лены — более четырех тысяч!

Покидая «чуждую планету», колымский континент, мы по ленской воде фактически совершили переход, почти равный океанской переправе Зикмунда и Ганзелки!

И невольно подумалось, что наша величайшая страна, украшенная от юга до севера по крайней мере четырьмя крупнейшими реками (Волга, Обь, Енисей, Лена), наша Родина как бы вмещает в себя пять континентов и, быть может, пятикрылая красная звезда символически отражает эту особенность нашей советской державы...

КАК случилось, не знаю, но я стал пленником Красноярского края. Из года в год по нескольку месяцев путешествовал я то по весеннему абаканскому югу, то по летним дорогам Причулымья, или покидал осенний Диксон, чтобы встретиться с полярными станциями Карского моря.

И сколько раз говорили мне:

— Вы зимой приезжайте, вот тогда и почувствуете Сибирь...

Чувствовать Сибирь... Дорога к этому чувству.. И чем труднее эта дорога, тем глубже врежется в сердце ее буксующая колея...

От Енисейска до Шушенского и от Тайшета до Тейского рудника — куда бы ни заносила меня судьба во время автомобильных походов, всюду во все времена года над нами парили железные аисты.

Эти аисты, подъемные краны семилетки, в Красноярье неутомимо свивали деревянные, каменные, железобетонные гнезда больших и малых новостроек.

В народе говорят, там где аистинное гнезда — там счастье.

В дороге я чувствовал себя золотоискателем и счастлив был, когда на приисках семилетки находил золотые россыпи, золотые дела, золотых людей.

Красноярье наградило целым клубком самых разных дорог: тут были и грейдеры, и проселки, и тракты, и бетонки. И нередко они напоминали человеческие судьбы: целеустремленные или расхлябанные, испытавшие трудные будни или беззаботно живущие среди полевых цветов. Как о человеке, о дороге можно сказать: «Не хвали, испортится». Как и в жизни,

телями слова «Дивногорск» внесет свои предложения для того, чтобы всякое детище — будь то ГРЭС или комбинат, улица или порт — возрастало и хорошело в семье юных новостроек Красноярского края, и носило красивое, гордое имя.

Хочу идти в Канске по улице Шелковой, в Хакасии по Зеленокудрой, в Красноярске по Алюминиевой и в Шумихе по Огненной.

А электростанцию можно называть не просто Назаровской, а, скажем, Счастливо-Назаровской, и порт в Маклакове именовать Портом Удачи, а нефтеперерабатывающий завод — Боготольским Баку...

Если подыматься по реке вверх, то очень скоро поймешь, что именно в рабочий комбинезон одет Енисей-строитель. И очень много у него дела между той Избой на Таймыре и выбежавшей на берег избушкой неподалеку от Подтесова.

Вот она стоит — темнобровая сибирская изба. И вдруг неожиданно светло-голубые новенькие наличники. Словно брюнетка с голубыми глазами. А уж какие фасонные, какие резные ставеньки — просто залюбуешься. Я сфотографировал десятки деревянных узоров и — вот это радость! — нет ни единого повторения. Почему бы новой социалистической архитектуре не обогатиться этими талантливыми деталями народного творчества? Быть может, нашим архитекторам и художникам стоит отправиться в командировку по сибирским, красноярским селам, чтобы изучить все ценное, сохранившееся там, и применить эти украшения в строительстве тех новых домов, которые будут осваивать наши новые домостроительные комбинаты. Мне думается, украшать нашу жизнь, не терять лучших традиций народного домостроительного творчества — это не менее важная задача, чем та, которую мы называем первоочередной.

А как образно, как красиво говорят коренные красноярские таежники!

Я сказал, что в комнате очень жарко.

— Наша горница — не спорница: на улице тепло — и в ней потеплело.

В окнах не было двойных рам. Вторую, зимнюю

раму спрятали. Зато в одну раму вставили сразу два стекла.

Вечером говорили:

— Закидайтесь... (То есть, запирайте дверь на крючок).

А утром, прощаясь:

— Мы к вам в Москву приедем отгачивать.

Да, мы хорошо погостили в таежном Красноярье. Чем я буду угощать их, щедрых хлебосолов, милых таежников, которым оставил свой адрес? Они приедут на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, они останутся у меня на два дня по дороге к родичам, или однажды раздастся телефонный звонок и густобасый дедушка Митрий скажет: «Вот, привечай, на старости выбрался...».

Не знаю, скоро ли соберутся «отгачивать» в Москве те добрые люди, которые в таежной глуши угостили меня шаньгами. Если вы живете в большом сибирском городе — вы забыли, что такое шаньга. Ни в Тюмени, ни в Омске, ни в Новосибирске, ни в Красноярске или Иркутске, ни в одной чайной, столовой, ресторане вы не отыщите ни одной шаньги. Это что, правильно? А шаньги — это чудо-булочки.

Или, скажем, сибирский рыбный пирог. Это ведь тоже нечто удивительное, самобытное, и его не так уж сложно приготовить. Я уж не говорю о строганине, о брусничных квасах, о пельменях. Всего этого, приготовленного по-своему, с «необычинкой», вы в сибирском городе не найдете. В ресторанах нет фирменных, чисто сибирских блюд. Правда, пельменевый суп вам подадут, но и в Омске, и в Красноярске это блюдо — на одно лицо, и никто не скажет: «Вот в Красноярске пельмени — это да!» Произошла кулинарная нивелировка. И только некоторые уверяют: «Томское пиво — лучшее в Сибири».

Возвращаться из путешествий, дарить своим друзьям и знакомым сувениры — это и есть настоящее счастье.

Отдавать всегда приятнее, чем брать, хотя есть люди, которые думают и поступают как раз наоборот.

Не только от близких, но и от малознакомых лю-

дей я принимал самые разные дары — была ли то оленья кухлянка или моржовый клык — и я понял, что самое огромное счастье — дарить, отдавать, приносить

Но должен ли человек страдать оттого, что его дары не приняли или сочли слишком великими или мелкими?

Если к подарку так отнеслись, то от этого должен огорчаться не отдающий, а тот, кто вместе с утратой благодарности теряет и друга. В конце концов, дорого не то, **что** подарили, а то, что **подарили**.

Когда при встрече провинившийся отведет глаза и будет что-то лепетать в свое оправдание, я скажу ему, что все уже предал забвению.

Я не стану осуждать его ковры и диваны.

Не стану осуждать чужие вкусы, но прошу, чтобы к моим вкусам люди были снисходительны и не утверждали, что обставлять свои жилища, думать и одеваться нужно только так, как это делают они.

Я буду выслушивать их соображения, но не осуждения.

Я тоже выскажу то, что думаю, но не буду их укорять.

Мы будем говорить о счастье и придем к выводу, что приносить его людям может только тот человек, который сам научился быть счастливым.

Я заметил, что иной раз человек вправе был бы назвать себя вполне счастливым, но не умеет испытывать это чувство, утрачивает масштабность своего деяния, и все вокруг ему представляется мизерным и тусклым.

Особенно это относится к тем людям, которые трудятся вдали от больших и знаменитых строек, где-нибудь в таежной глуши, когда неизвестно, куда деваются плоды всех этих повседневных, однообразных усилий.

Но есть большие работы, о которых с первого взгляда не скажешь — вот он, размах и огромность!

У лесорубов Енисея в руках мотопила «Дружба». На первый взгляд неприметная, портативная механизация. Рабочий шпалозавода владеет техникой покрупнее, но и она, эта техника, ни в какое сравнение не пойдет с громадными станками большого завода. А ведь труд шпалопильщика не менее почетен, чем

— Просто смешно, это моя седьмая стройка, и я не намерен прозябать в каком-нибудь городе.

«...скоро Сашеньке пять лет, но по твоей милости он растет сиротой».

— А кто виноват? Сын у меня правильный растет. Я был в отпуске, так он говорит: «Мама, поедem Сибирь дороги строить». А она...

«Я еду в Пермь, там мне дают хорошее место в библиотеке имени Горького...».

— Хорошее место! Мне тошно от этих слов! Хорошее место можно найти только на моих стройках!

«...а ты хочешь, чтобы я с ребенком скиталась и в тазу мыла твои вонючие портянки».

— Дура! Я написал ей: причем тут какой-то таз, когда я могу купить стиральную машину. Сколько! Угодно! А библиотекари нам здесь вот как нужны, просто позарез...

«Словом, пора тебе стать человеком, а не мотаться по окраинам».

— Пишет так и понять не может, что сама находится на окраине жизни.. Я вам скажу, что такое с ее точки зрения «стать человеком». Это, во-первых, тряпки. Моя Лида считает, что если кто-то равнодушен к своей одежде и не следит за последними модами — он и не человек, а во-вторых...

Бригадир монтажников Владимир Власов подошел к насосу и снял укрепленный на нем букетик фиолетовых наперстянок.

— Во-вторых, у нее на уме «легкая», «красивая», «чистая жизнь». Все это я люто ненавижу! Потому что вот этот букетик мне дороже всех ее искусственных, мелочных и мещанских цветов.

Власов бетонировал фундамент под опоры моста через болотистую речушку Бурмакинка. Шесть насосов выкачивали воду и гнали ее за дамбу.

На следующий день мы гуляли с Власовым по берегу Енисея.

— Слыхали вы? Говорят, русло Ангары будут отводить, а там, где она сейчас впадает в Енисей, обнажится богатое рудное дно.

Власов говорил об этом без удивления. Скорее по-хозяйски. Но я удивился. Мне было известно: в низовьях Ангары, неподалеку от встречи ее с Енисе-

Поленья трещали, как кузнечики.

Девушка в рабочем комбинезоне, поверх которого на одном плече висела стеганка, несла, к моему величайшему удивлению, охапку колотых досок.

— Здравствуйте, — сказала она. — Думаю, вам пригодится.

Когда она нагнулась, чтобы положить доски, в свете костра ярко сверкнул ее красный платок и пол ним два уголочка. На мгновение ее лицо и костер как-то живо перекликнулись.

— Только, пожалуйста, не подумайте чего-нибудь нехорошее. Вы меня не знаете. Но мне срочно нужен с кем-то посоветоваться.

— Разве у вас нет друзей?

— Самый близкий человек, можно сказать, жених мой, дня три назад уехал, и надо же было такому случиться...

Руки ее дрожали. Дрожали языки пламени. И в голосе что-то дрогнуло.

— Понимаете, только что приехал мой отец... Вернее, он не отец мне, а может быть, отец... Но дело не в этом.

— Давайте попьем чаю, — я хотел успокоить ее. — Вот хлеб, масло, сделайте, пожалуйста, бутерброды

— Я решила, что вы человек посторонний и скоро отсюда уедете.

— Я уезжаю завтра.

— Нет, прошу вас, не уезжайте так быстро. Надо дожидаться Артема. Я очень прошу вас помочь нам. Я боюсь, что отец убьет его... его или меня...

— Расскажите по порядку. Как вас зовут?

— Меня зовут Лена. Лена Родионова. Но сегодня приехал отец, и я вспомнила, что когда-то меня называли Лешка.

— Лешка?!

— Да. Он так страшно закричал: «Ты забыл, Лешка, мою руку!» И потребовал, чтобы я вернулась в Иркутск. Боже мой, неужели он не понимает, что я люблю Артема. Но мне и отца жалко. Он меня тоже любит. Он многое пережил и многое для меня сделал. Он меня страшно любит! Страшно! Но может быть, он не меня любит, а того Лешку...

Лена разрыдалась. Она сжала в руках кружку с

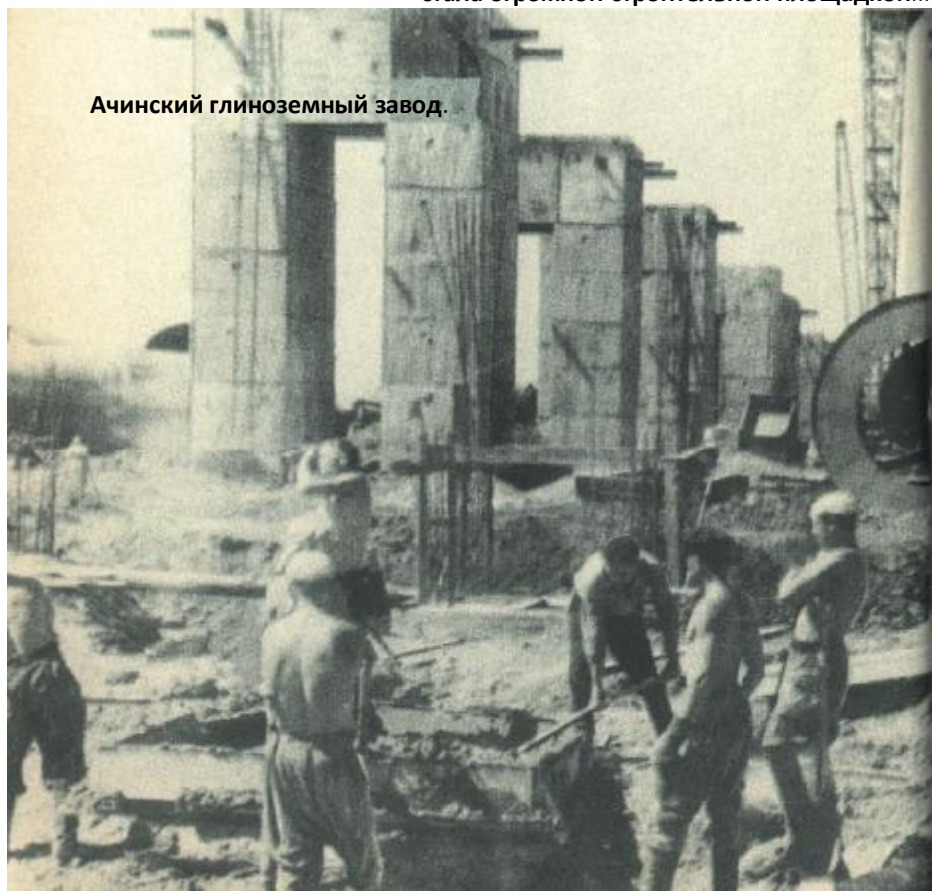

...От Полюса холода до Тянь-Шаня – отогревают своими сердцами...

Нас провожали жители Крайнего Севера...

Мы увидели Сибирь, которая сегодня
стала огромной строительной площадкой...

Ачинский глиноземный завод.

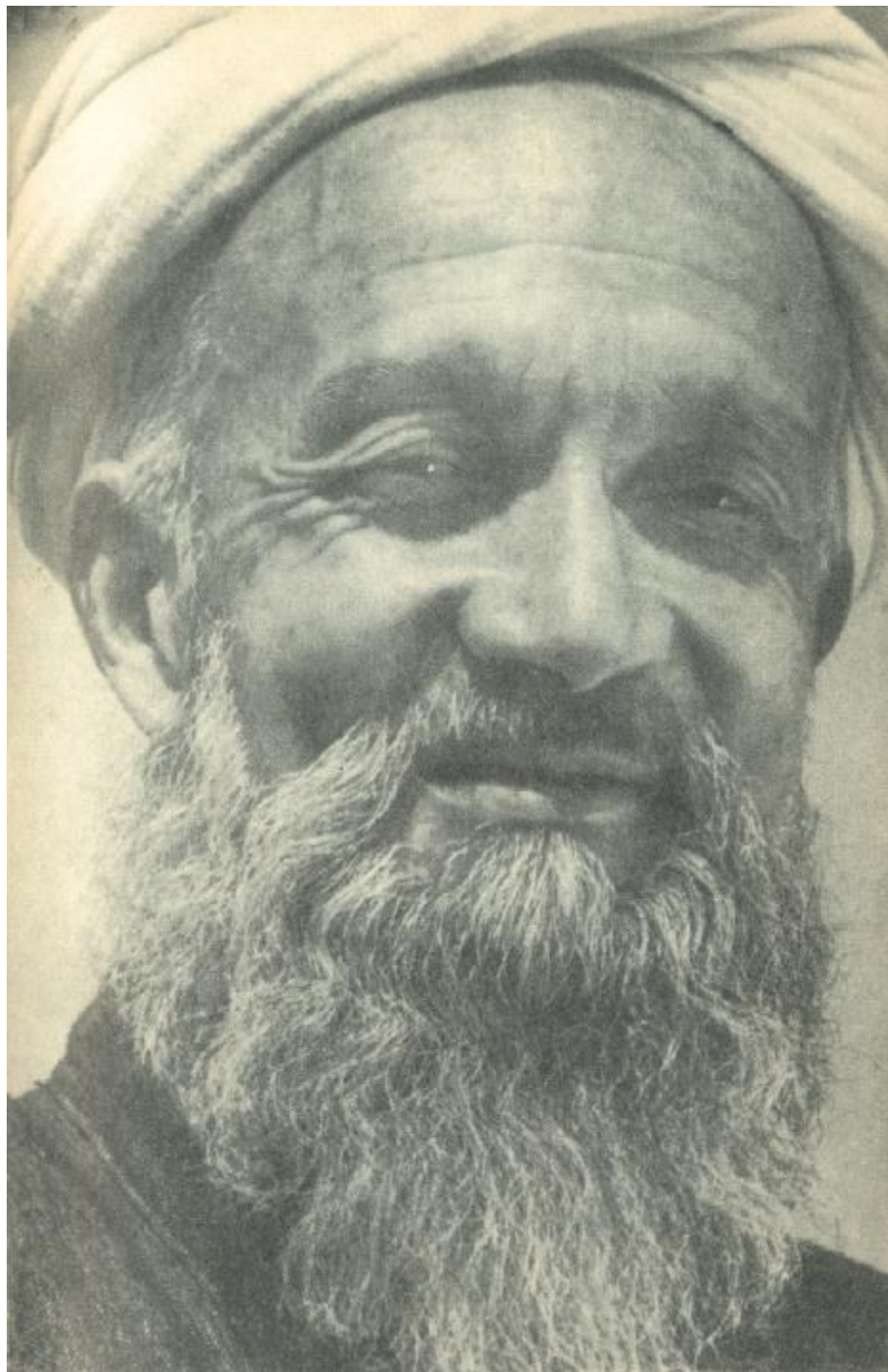
...И от казахстанской радуги
отправились в рейс
к узбекской дойре...

На трассе
газопровода
Бухара – Урал.

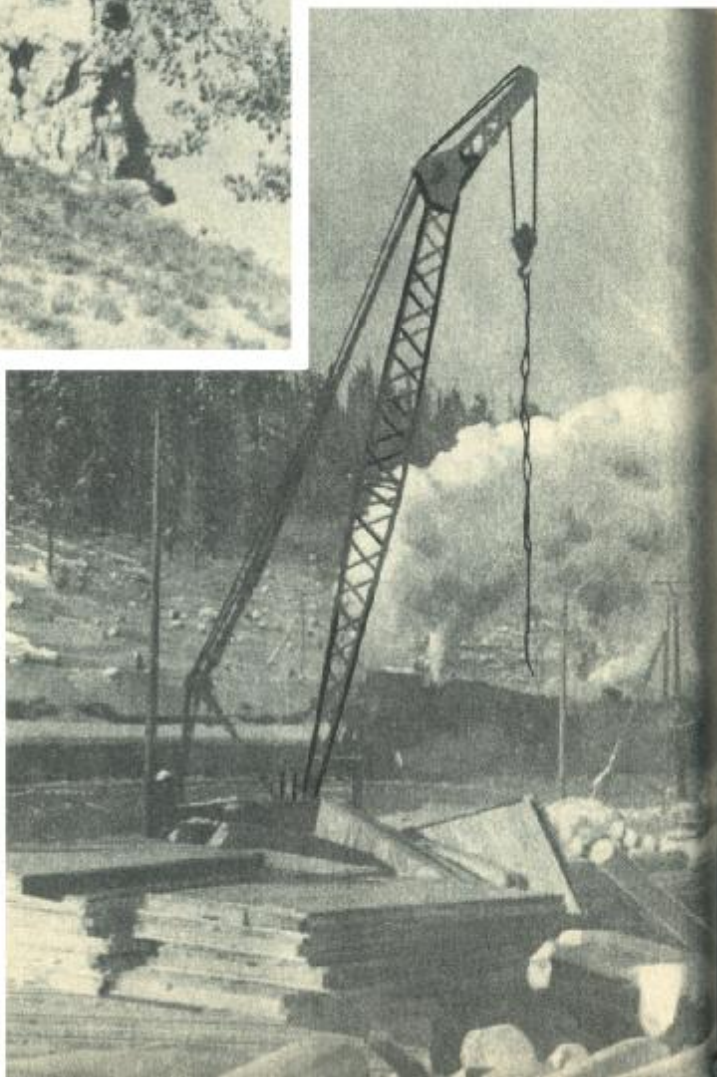

Смотрю я на вас и радуюсь – улыбка его сказала:
О, этот узбекский радиус от Ферганы до Арала!

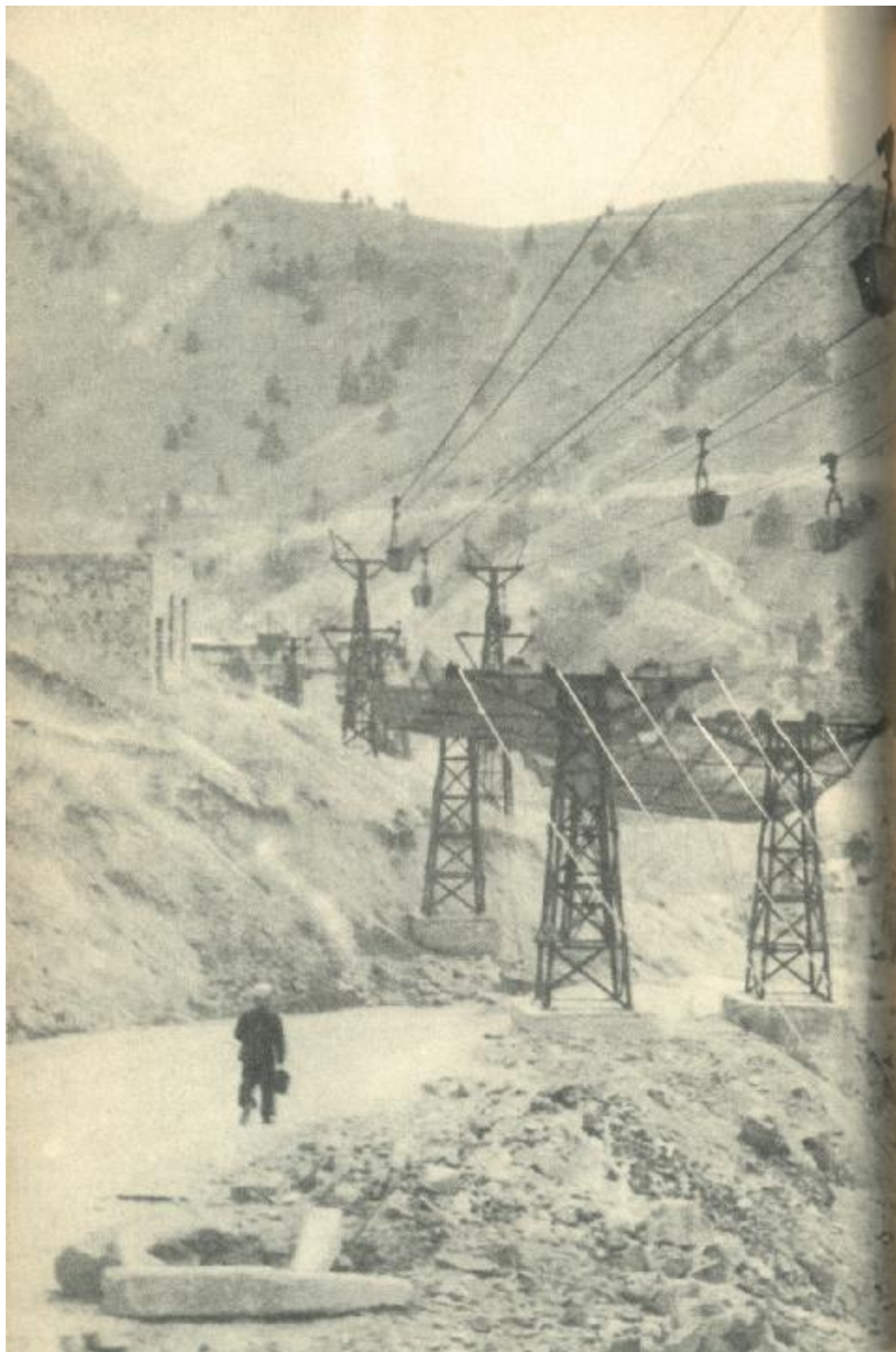
Каменные глухари
и
железные аисты,
которые вьют
на счастье
гнезда новостроек.

Бригадир монтажников Владимир Власов, строитель железной дороги Ачинск – Абалаково получил письмо от «каменного глухаря»...

...И как в подсумке – в подвесном ковше лежит руда –
заряды семилетки...

чаем и, сама того не желая, плеснула в огонь. Потом сказала:

— Для того чтобы это понять, надо представить себе, в каких условиях мы жили на Колыме.

Когда я сообщил ей, что недавно прошел на своей машине по колымской трассе, Лена восторженно вскочила, обрадовалась, точно встретила своего близкого родственника.

— Вот на этой машине! — воскликнула она и погладила ладонью капот. — И вы были на Утинке?

Я вспомнил подоблачный перевал, головокружительные «прижимы» и маленький поселочек над Колымой. И сказал:

— Да, я заезжал на этой машине к утинским золотоискателям.

Лена упала на колени, обхватила руками шину и прижалась к резине щекой.

Потом она жадно стала расспрашивать меня, как там и что, и когда я отвечал, то и дело приговаривала: «Это все не то... теперь там все по-другому...».

— Лет двадцать назад, — рассказала она, — мой отец был осужден за убийство, и когда у него лагерный срок кончился, он остался жить на Колыме, на поселении. Мать моя тоже была из преступного мира. Когда я родилась — она умерла. Потом я узнала, что несколько человек, в прошлом таких же преступников, как мой отец, считали меня своей дочерью. Была даже драка. Но отец был сильнее других. Он был одиноким и хотел, чтобы у него была дочь. Начальство разрешило ему увезти меня. Мы жили с ним на поселении во многих поселках, а когда я выросла, отец привез меня в Утинку, где никто нас не знал. Мне было уже семь лет, и отец стал мне внушать, что я — мальчик. В поселке почти не было женщин. Там жили на поселении такие же, как и мой отец, бывшие бандиты, и отец за меня очень боялся. Стоило мне подойти к зеркалу — и он мог меня за это дико избить. Я знала, что я мальчик, все меня называли Лешка, я никогда не имела кукол, не видела девочек, но нивесть откуда доставала лоскутки и выкраивала бантики. Ведь я была девочкой, хотя этого и не понимала. За эти бантики ремень гулял по моей спине, как ему хотелось. Ведь отец очень любил меня

и берёг... И я ему за это теперь очень благодарна. Но мое это было вчера, очень давно, а сегодня у меня Артем... Как же он этого «е понимает?».

Я пообещаю дожидаться Артема и еще несколько дней буду жить в своей палатке.

Утром мы встретимся с Леной у кирпичной проходной, забитой досками, и по дороге на шламбассейн бетонщица скажет:

— Были бы ворота, а хату построим.

И если вчера мы вспоминали о вчерашнем, то сегодня она будет говорить о сегодняшнем.

О поселке Солнечном, где они живут с Артемом. О том, что живут они в разных общежитиях. Комнату достать невозможно, и Артем поехал в Красноярск на Алюминстрой в надежде найти работу обязательно с жильем.

Лена расскажет, что она не согласна с Артемом что надо подождать, так как в поселке строится дом молодоженов и закладывается шестидесятиквартирное трехэтажное здание, которое тоже будет заселено молодыми семьями. Мы вместе будем обедать в столовой, и я узнаю, что она учится в девятом классе вечерней школы рабочей молодежи, участвует в самодеятельности (у нее неплохой голос) и недавно доверили работу пионервожатой в четвертом «Б».

Лена познакомит меня с отцом, и Андрей Карпович Родионов глухо и мрачно скажет мне:

— А, собственно, какое вам дело?

Лена распахнется и ответит ему, что она мне все рассказала. И тогда Андрей Карпович захочет оправдаться, он будет уверять, что Лена «не так» и «не все» рассказала, и свет новых подробностей обнажит боль и горечь этого человека.

Лена не станет отрицать, что убежала из Иркутска вместе с Артемом.

— Он выкрал ее! Ничего мне не сказали, уехал неизвестно куда...

— Потому что ты не разрешал мне с ним встречаться.

— Был бы он порядочный человек...

— Он очень хороший!

— Где он? Он бросил тебя! Я был прав. Почему вы не расписались?

— Он приедет, и Мы зарегистрируемся, вот увидишь...

Сложное чувство испытает Андреи Карпович. Он будет восклицать: «Нет! Я этого не допущу!» И в то же время ему захочется, чтобы Артем скорее приехал, раз невозможно немедленно увезти Лену в Иркутск. Он захочет убедиться, поженятся они, как люди, или своими руками ему суждено задушить этого проклятого Артема...

Все усложнится и запутается, когда приедет в Ачинск Артем.

— Комната в Красноярске найдена. Работы сколько угодно. Собирайся, Ленка! — это будет оказано на шламбассейне, куда нетерпеливый Артем приедет на самосвале прямо с поезда.

Артем узнает, что приехал отец, взволнуется и решит, что надо немедленно ехать в Красноярск. Он даже попросит меня подвезти их на машине на вокзал, и Лена посмотрит на меня выжидающим, нерешительным взглядом. И тогда я скажу им, что Андрей Карпович еще больше ожесточится и все равно не оставит их в покое...

— Что же делать?

Артем встретится с Андреем Карповичем, и у них начнутся бесконечные разговоры, угрозы, примирения и снова угрозы, и, наконец, Лена скажет:

— Я никуда отсюда не поеду!

— Тогда я еду в Красноярск один!

— Нет, голубчик! — грозно объявит Андрей Карпович. — Ты не уедешь!

— Но ведь нам тут негде жить.

— Тогда в Иркутск, ко мне.

Эти слова, похожие на примирение, Андрей Карпович произнесет в тот день, когда всю стройку облетит потрясающая новость:

«Сроки пересмотрены! Резервы найдены! Цементный завод выдаст первую продукцию на год раньше срока!».

Просто смешно уезжать, когда мы уже столько сделали!

Лена начнет агитировать отца. Уговаривать Артема. Она скажет им, что если они ее любят, они оба останутся, и вдвоем легче будет наладить жизнь. Ведь

От Магнитогорска до Тайшета...

Южсиб разгружает «центральный железнодорожный проспект» России — транс-сибирскую магистраль. Строителем Южсиба была еще первая пятилетка, а завершает работы — семилетка.

Первая начала и первая кончает!

Семьсот девятнадцать километров рельсового пути — это и есть дорога Абакан—Тайшет, через которую пройдут грузы с Дальнего Востока на Кузбасс и в Среднюю Азию, дорога, которая вызовет к жизни новые месторождения в драгоценных Саянах, дорога сурового мужества и окрыленной романтики.

Теперь Тайшет — крупнейший сибирский стрелочник — по южному маршруту быстро добирается до Кузнецка, а там — в Павлодар, Акмолинск и Карталы и — через степи Северного Казахстана — на Урал!

Это примерно все, что знал я о Южсибе, когда мы покидали Минусинск, чтобы познакомиться с людьми строящейся магистрали, с ее пейзажем и на строениями...

В Кошурниково я сказал:

— Ваша стройка похожа на какое-то героическое произведение.

— Героическое произведение? Пожалуй, вы правы. Но героев вы здесь не найдете. По крайней мере — сегодня.

— А завтра?

— Завтра — да. Завтра станет ясно, кто был героем сегодня. Поэтому я и хочу познакомить вас с теми, кто был здесь вчера.

— Но неужели среди своих сверстников вы никого не можете выделить?

— Наши жизни слишком заурядны, в них нет ничего примечательного...

Так отвечал молодой человек, который до 17 лет ни разу не видел паровоза (он жил безвыездно в колхозе села Ново-Григорьевка), а в 27 лет стал старшим инженером строительно-монтажного поезда № 341.

Так отвечал Владимир Кривочуерин, когда мы

остановились у Лысой горы, которую обнимали две таежные реки — Джебь и Моргоз.

— Что вы видите под этой горой? — продолжал старший инженер. — Вы здесь ничего не видите. А я вижу великолепный рабочий поселок. Вижу героя, именем которого он уже назван. Это поселок Стофато. Поселок имени Кости Стофато...

Я не стал расспрашивать. Мне показалось, что Кривочуприн хочет немного помолчать, как это делают, когда намерены заострить чье-то внимание.

И молчание становилось красочным. Потому что я уже видел в этой саянской тайге вагончики и палатки строителей, видел бревенчатые домики и каменные кварталы в Кошурниково, и все это появилось недавно. Но здесь, у Лысой горы, еще ничего не было, кроме молчания.

«Вчера, 2 ноября, произошла катастрофа. Погибли Костя и Алеша. Плот задернуло под лед, и Костя сразу ушел вместе с плотом...»

Это место в дневнике Александра Михайловича Кошурникова Владимир Кривочуприн отчертил ногтем.

Здесь, у Лысой горы, на будущем разъезде Стофато, подарил мне главный инженер Кривочуприн эту небольшую книжечку, изданную в Томске.

На темно-голубом, как река Джебь, переплете написано: «Изыскания железнодорожной линии Абакан — Тайшет».

Я жадно стал листать страницы этого потрясающего документа и все время на полях брошюры (под девятнадцатой строчкой сверху) мелькала зарубка, сделанная ногтем старшего инженера.

Сам того не подозревая, Кривочуприн одним ударом сделал отчерки на всех страницах, и теперь я читал только то, что им было невольно отмечено.

«...трасса заросла многовековой тайгой, что дает возможность трассировать по ней линию без особого укрепления берегов и регуляционных сооружений...»

«...у Кости сапоги почти развалились. Он ходит, подвязывая их веревочками».

«...решили перейти на правый берег и там делать

плот. Это чуть не стоило жизни Журавлеву, который провалился под лед и едва-едва выцарапался на берег...»

«...вчера ночью погорели у Алеши ватные брюки, а у меня стежонка. Чувствуется общее утомление. Правда, никто об этом не говорит, однако заметно...»

«...решили плот бросить и ниже порога рубить новый, уже четвертый по счету...»

«...снег нас просто преследует и не дает убежать. Сухарей, собственно сухарных крошек, осталось на один день...»

«...проплыли сегодня до пк 1520. По колено забило снегом и смерзлось, пришлось плот бросить. Это уже пятый наш плот. Завтра будем делать новый...»

«...Алеша выскочил на лед и полз метров 25 по льду с водой. К берегу пробиться помог я ему, но на берег вытащить не мог, так он и зачоченел наполовину в воде».

— И что потрясает больше всего, — неожиданно проговорил Кривочуприн, — это нечеловеческое упорство и верность делу. Слушайте: выбиваться из сил и все же карабкаться на утес, чтобы подвесить на видном месте мешки с образцами пород, а потом распухшими, обожженными пальцами брать карандаш и до последнего вздоха записывать свои наблюдения. Это, знаете ли, подвиг!

— Когда это было?

— В конце сорок второго года. Дневник Кошурникова найден был через восемь месяцев. А спустя семнадцать лет именами молодых изыскателей мы назвали станцию Кошурниково и два разъезда — Стофато и Журавлёво... Журавлева звали Алешей...

Теперь по-новому смотрел я на Лысую гору, под которой сегодняшний день отдает честь вчерашнему во имя нашего завтра.

Завтра в этой таежной глуши люди построят памятник Косте Стофато, те самые люди, которых тоже назовут героями через сколько-то лет.

— Все вчера и завтра, — сказал я с грустью старшему инженеру, когда он садился в машину. — А сегодня?

— Сегодня вряд ли вы найдете что-нибудь равное подвигу кошурниковцев, — ответил Кривочуприн и

добавил с иронией: — Приезжайте через семнадцать лет.

Мы ехали от разъезда Стофато до станции Кошурниково, ехали над темно-голубой Джебью, по которой Время своей незримой рукой писало: «Изыскания железнодорожной линии Абакан — Тайшет».

— Вам надо лежать. Вы понимаете? Вы обязаны лежать, если хотите встать...

— Хватит меня уговаривать! — Фролов резко приподнялся и, опираясь локтями о подушки, прокричал: — Я не верю вам!

— Вы не верите медицине?

— Ваша медицина отстала. Она в восемнадцатом веке!

Зазвонил телефон. Прораб с Красного Кордона спрашивал, что делать. Девятнадцатиметровая выемка заполняется водой. Все плывет: откосы, экскаваторы... Вычерпывать приходится вручную.

— Я сейчас приеду, — сказал Фролов.

— Я вам запрещаю, — сказал врач.

Через двадцать минут главный инженер ремонтно-восстановительного поезда № 38 Виктор Пантелеймонович Фролов был у Кордонского тоннеля.

Он привел с собой из Курагина два экскаватора и попутно снял бульдозеры, работавшие на переправах через реку Ирба. Он расставил людей и когда понял, что опасность «линовала», сказал водителю:

— В «Красный партизан», в колхоз!

Теперь он думал о том, почему у нас не выпускают пчелиный яд или что-либо заменяющее его, как это делают в Чехословакии. Пусть! Он все равно будет покупать на пасеке пчел, только бы продавали ему! Но снова приходится упрашивать. Председатель колхоза говорит, что он, Фролов, его разоряет. Боже мой, что же делать? Какие еще колхозы поблизости? Куда поехать?

Вечером Фролов перечитывал (в который раз!) статью о тромбфлебите.

Закупорка вен... Надо лежать...

Затем он включил радио. Он слушал веселые и грустные песни — и вдруг:

Пока я ходить умею,
пока глядеть я умею,
пока я дышать умею,
я буду идти вперед!

На ногах у него были пчелы. Но радостней и больней, чем они — жалили слава, пронзительные и сладкие, и такие для него сильные. Ходить! Только ходить...

Ночью он не мог уснуть.

Какая тяжелая, счастливая, полная терпения и восторга жизнь! Нет, это просто нелепо: столько вынести, столько пережить, начать стройку и бросить ее на полпути!

Нет же, нет! Утром продолжаем рубить просеку, продолжаем отводить в сторону артемовский тракт, продолжаем отсыпать земляное полотно, продолжаем строить жилье, искусственные сооружения и тоннели. Все продолжается!

Только бы не стало ему хуже. Все должно продолжаться. Он начал, и он закончит. Закончит, выполнит, победит...

Ночью он вспоминал.

В Челябинске у него с Юлей была отличная квартира. Они приехали на стройку, и сначала пришлось жить в избе, где хозяева держали теленка. Наташа, дочка, заболела...

А когда он учился в институте и одновременно работал? Он получал семьсот рублей и триста пятьдесят отдавал за квартиру. Уже тогда ему сказали: «Надо лежать».

И одно время он лежал. Ему пришлось встать, нет — вскочить, когда он узнал, что Юля попала под поезд... Была осень... Она перебежала линию, и буфер зацепил сетку с продуктами... Травма... Больница... Горе...

Юля поправилась. И недавно у них родился сын, Вовка, и живут они теперь в Курагино, в новом доме, в своей квартире. Казалось бы — все хорошо. Так нет же: неужели снова ложиться ему в больницу.

И вдруг Фролову стало противно, что он все время вспоминает только плохое и тяжелое.. И вообще, почему он вспоминает, когда обязан жить так, чтобы каждая минута дышала будущим. Другие — пусть, но

он не имеет права на воспоминания. И тем более помнить плохое, а хорошее забывать.

Хорошее? В его-то положении? Он не хочет себя сравнивать с Корчагиным, но как это помогает, когда неожиданно находишь свое здоровье великолепным по сравнению с тем, кто прикован к постели.

Корчагинский дух, вот что должно его окрылять. Лечиться и работать! Нет, во-первых — работать, а во-вторых — лечиться. Меньше думать об этом. А сейчас — спать. Это сейчас самое главное. Отдохнуть надо. Завтра, да нет же — сегодня пора начинать бетонировать трубы через реку Тартазяк... «И лечиться, — уже сквозь сон думает Фролов. — Не для того, чтобы жить или чтобы не было больно, а для того, чтобы работать».

Утром Фролов чистыми бинтами плотно обматывает свои ступни и вызывает машину.

Юля смотрит на него выжидательно и с надеждой. Она уже не знает, что лучше: лежать или мчаться на Тартазяк. Фролов говорит, что ему становится легче, когда он работает, когда он забывает о боли.

Фролов целует детей и уходит из дома прежде, чем в квартире раздастся телефонный звонок и врач говорит: «Надо лежать».

Когда врач это говорит, Фролов заходит к нему в кабинет и объясняет, что ему некогда дожидаться, пока сестра придет на дом. Он просит сделать ему уколы в амбулатории и обещает в полдень приехать на процедуры.

И машина уходит на участок от сотого километра до сто пятьдесят седьмого по тому самому пути, который Фролов четырежды прошел пешком, когда изыскатели сдавали строителям трассу.

Недавно Виктора Пантелеймоновича Фролова правительство наградило медалью «За трудовую доблесть». Когда я узнал об этом, я вспомнил слова Кривочуприна, и захотелось мне оказать ему: «Да нет же, ты неправ, что только завтра станет ясно, кто был героем сегодня».

В ЭТОЙ главе я познакомлю вас с лирическими новеллами, написанными во время автопохода по казахстанской земле в Среднюю Азию.

Однажды летом, когда челкарцы яркой байгой отмечали юбилей своей республики, на спидометре автомашины «М-72» появилась знаменательная цифра: 40 тысяч километров. Казалось, был вывешен маленький плакат в честь именин сорокалетнего Казахстана.*

Казахстан — это такой магнит, который не может не притягивать того, кто однажды здесь побывал. Все, что мне встречалось в различных краях и областях нашей страны — удивительно разносторонне и щедро завязалось в компактный казахстанский сноп.

Помнится, увидел я над Ишимом разноцветную радугу, и мне показалось, что это — волнующий образ казахстанской семилетки. Эта радуга-дуга была точно арка в наш завтрашний день...

В Узбекистане мне подарили круглую и звонкую узбекскую дойру. Сказать по-нашему, это бубен, но, в отличие от русского, более крупный, с множеством металлических колечек.

Дойра была похожа на пустынный горизонт в Голливудной степи. Но подобно тому, как степь заполняется человеческим деянием, на тугой коже дойры, стали появляться различные записи, афоризмы, рисунки и даже нотные музыкальные фразы. Хлопкоробы и поэты, рабочие и композиторы, водители автомашин и

* Конные состязания.

А вечером — свои позывные передают им радиозвезды, и эти космические сигналы волнуют наше воображение...

Когда в Якутии, в Оймяконе, мне рассказали, что звезды шепчут во время самых больших морозов — я подумал, что это легенда.

Но как не поверить, если ночами Полнос холода сыплет звезды, и в это время ваше дыхание превращается в сотни льдинок, которые трутся, как будто шепчутся, перекликаясь с шепотом звезд?

Когда-то неграмотные якуты верили: звезды заговорили.

Но здесь... Это было совсем другое...

Звезды действительно говорили.

А в этот ослепительный полдень научный сотрудник Камил Аукешев разговаривал с огненно-рыжим солнцем.

Солнце пряталось в снежных ветках.

До революции в Казахстане неграмотных было, как и в Якутии, столько, что девять из десяти приписывали волшебность звездам.

Обожествляя месяц и солнце, люди считали себя рабами всевышнего.

Но проходили годы, и лично с солнцем Камил Аукешев, как равный с равным, заговорил.

О, эта неслыханная беседа!

Яркое с ярким!

Аппаратура.

И вот уже по бумажной ленте бегут позывные других миров.

Как в зеркале, в радиотелескопе чутко и вдумчиво отражались живые космические сигналы, рожденные в мировом пространстве.

Разгадает ли их Камил Аукешев?

И разве я ошибусь, утверждая, что его земляки-казахи верят в его разговоры с солнцем?

Да, верят девять из десяти.

Но эта вера совсем другая.

Вера просто разумных в разум.

Вера грамотности в науку.

Вера в солнечность наших дней.

Так славься же эта беседа с солнцем в горах Заилийского Ала-Тау!

■■■■■■■■■■ ЧИМКЕНТСКАЯ СИМФОНИЯ

Когда к Чимкенту мы подъезжали, я снова увидел радугу.

Как нотные знаки в ее линейках вырисовывались какие-то трубы.

Так возникла передо мной мелодия цементного завода.

И если вы слуха не лишены, если в дружбе с хорошей музыкой, то нотные знаки высоких труб, прочитанные в линейках радуги, вам не могли не напомнить мотив, часто встречающийся в Казахстане.

На юго-восточной окраине города лет пять назад они прозвучали — первые такты Чимкентской симфонии, мотив Всесоюзной ударной стройки.

Но прежде чем властно вступили в строй шесть дружных труб степного гиганта, первая часть симфонии этой — два такта технологических линий — звучала куда быстрее, чем ждали.

(19 месяцев вместо 40 по плану — таких темпов не знала мировая практика).

Цемент!

В симфонии этой стройки скреплял он третью часть с четвертою, и динамичность не нарушала общий замысел. В строй вступили — досрочно! — одна за другою нити.

Нити мелодии, без которой не зазвучал бы на полную мощь цемент Южного Казахстана.

И когда своей обжиговой печью — шестая часть в симфонии нашей — это чудесное произведение полыхало жарко и постепенно наполняло души людей восторгом, кто-то сказал:

— Знаете, братцы, чтобы отгрохотать такую музыку, все-таки надо быть талантливыми исполнителями!

В Чимкентской симфонии эта фраза (формально выпавшая из ритма) была преисполнена тем величием и той самобытностью, без которой творчество не ломает рамки заданных сроков, привычных мнений.

И тысячи комсомольских путевок, если б их склеить одна с одною, могли б венком увенчать всю стройку, эту симфонию разных судеб.

Я ехал на север, но долго-долго в глазах моих

На Регестане в давнишние годы возле старинной бухарской стены слуги эмирские палкой избили пламенного Садриддина Айни.

В чем провинился великий писатель? Может быть, в том, что он правду сказал?

Не говорите, что камни безгласны. Все они помнят и только молчат.

Если бы расшевелить хорошенько камни старин-

водил он эти строки, ему казалось, это — про него.

И я себе представил, как на чимбайской сцене выступают артисты народного театра.

Думал ли когда-нибудь Шекспир, что его Отелло заговорит по-каракалпакски?

Но Сулетбаев думал об этом, Он думал о том, что, может быть, этот труд ему не под силу. А когда в третьем акте Яго встретился с Каосио и оказал: «Вы, видно, вовсе не ложились спать?», Сулетбаев невольно ответил:

— Да, нелегко мне это дается. И я, действительно, спать еще не ложился, ведь сейчас появится в саду Дездемона...

И Сулетбаев стал лучшим другом Шекспира. В разных эпохах они рядом ходили, потому что тропки шекспировских строк Сулетбаев прокладывал на родной чимбайской земле.

И порой Сулетбаев говорил Шекспиру:

— Почему-то считается, что Отелло ревнивец и что это чувство приводит его к убийству.

Но не ревность, по-моему, главное в ярком характере мавра.

— Я с тобой согласен, — соглашался Шекспир, — продолжай.

— В благородном Отелло самое сильное чувство— это, по-моему, честность.

Пусть он заблуждается, но не ревность, а справедливость руку его подымает.

— Почему-то труднее всего, — продолжал Сулетбаев, — мне дались такие строки: «Мы раздражаемся по пустякам, когда задеты чем-нибудь серьезным». Как мне хотелось по-каракалпакски получше эту мысль передать!

— Ну что ж, твои раздумья справедливы, — сказал Шекспир. — Отелло восставал против серьезного, а раздражен был пустяком.

— Ах, если б вы могли увидеть, — воскликнул Сулетбаев, — как наш каракалпакский мавр на городской чимбайской сцене весь ваш глубинный замысел раскроет!

...Была такая невыносимая жара, что мне хотелось взять дельту Аму-Дарьи и обмахнуться ею, как веером.

— Расскажи, — говорят мне, — о самой чудесной...

Я сейчас объясню вам. Прошу не сердиться. Вы, поклонники дивных потоков Сибири, старожилы чудесных приволжских просторов и приверженцы дальневосточной реки; вы, я думаю, согласитесь со мной, что красоты не только в таежных утесах и не только в песчаных излучинах нежных, но и в личном характере каждой реки.

Как Аму, я б хотел с ледника начинаться, захватить по пути кой-какие притоки, но от речки Сурхан до Аральского моря от души все, что я получил, — отдавать!

Много рек я увидел, великих и малых, но такой, как Аму, бескорыстной и щедрой, я нигде не встречал, а ведь ей потруднее, чем иным ее сверстницам — рекам страны.

Просто я удивился — откуда же сила? Одна тыща сто семьдесят пять километров — и все время отдача, все время щедроты, бескорыстье единственной в мире воды!

— Расскажи, — говорят мне, — о самой чудесной...

родные дети, есть нефть и уголь, хлопок и пушнина в рабочем казахстанском семицветье.

Еще есть фиолетовая краска. Пока она лишь шестерым знакома. Ну если по путевке профсоюза решитесь стартовать с ракетодома, и если в казахстанском Байконуре обнимет вас и унесет ракета — вы убедитесь, что земля прекрасна в разливах фиолетового цвета.

Мне нравится торжественная арка в трудолюбивой радужной расцветке. Добро пожаловать! Входите, люди, в хозяйство казахстанской семилетки!

ОДНАЖДЫ на радиаторе автомашины появилась маленькая пластмассовая елочка, символизирующая круглогодичный автопоход от Нового Года до Нового.

Маршрут был такой: Енисей — Иртыш — Сыр-Дарья — Волга — Москва-река — опять Волга — Аму-Дарья.

В Узбекистане я отметил 1001 день, проведенный в дороге.

Машина прошла более 50 000 километров, и, таким образом, набрала мили, превышающие виток вокруг земного шара.

Что дальше?

Дальше — последний этап, рейс к финскому заливу, чтобы завершить, наконец, многолетний автопоход от Охотского моря до Балтийского, от Владивостока до Кронштадта, от океана до океана.

Цель этих путешествий — создание серии книг о наших трудовых буднях, о людях и городах, о нашем трудном и прекрасном времени. И, наверно, самой дорогой станет для меня книга, которую я хочу назвать «Волгоградское сердце». Не правда ли, наша область по своим очертаниям напоминает сердце. Мне хотелось бы совершить автопоход по окраинам Волгоградской области и, рассказывая о лучшем в нашей жизни, подчеркнуть, что окраины в старом понимании (периферия, захолустье, «медвежий угол») давно уже нет...

Мы живем в удивительное время, когда вся наша большая страна стала грандиозной стартовой площадкой. И у каждого из нас свои возможные витки, свои творческие орбиты, свои взлеты.

Близится пятидесятилетие со дня установления Советской власти. Уже сейчас раздумываешь, с каким подарком придешь к этим всесоюзным именинам. К этому времени я мечтаю завершить свой второй условный виток вокруг земного шара и по следам новых автопоходов написать еще две книги о своих современниках.

В июле 1963 года легковой вездеход с волгоградским номером ВЦ 63-86 отправился в свой пятый рейс: Средняя Азия — Ленинград, куда я намерен приехать 3 июня 1964 года.

Позади пятидесятиградусная жара Центральных Кара-Кумов, осеннее бездорожье и рывок «на минутку» в Москву, как в отпуск от путешествия, которое я называю круглогодичным.

В новогоднюю ночь с 31 декабря на 1 января 1964 года автомашина пересечет границу Волгоградской области в районе Урюпинска и пойдет к нефтяникам Жирновска.

Так в зимнем рейсе начнет биться мое «Волгоградское сердце».

СОДЕРЖАНИЕ

I	От Колымы до Лены	
	Колымчане-впередсмотрящие	4
	На Полюсе холода	8
	Хандыгская трасса	16
	Земля якутская	20
II	Енисейский берег	
	Раздумье	25
	Глухари и аисты	29
	Любовь Лены Родионовой	31
	Саянский ветер	36
III	От Иртыша до Аму-Дарьи	
	Четыре моря	44
	Трубы	45
	Казахстан — Куба	45
	Разговор с солнцем	46
	Чимкентская симфония	48
	«Хромая газель»	49
	Мангышлакские ливни	50
	Голодная степь	61
	«Это выстроено на песке»	52
	Бухарская стена	53
	Химрагуль	54
	Наш Нам	55
	Шекспир и Сулетбаев	56
	Аму-Дарья	58
	Радуга	59

УРИН

Виктор Аркадьевич

1001 ДЕНЬ В АВТОМОБИЛЕ

Редактор А. КАПЛАУХ

Художник-редактор В. ПЕТИНОВ

Техн. редактор С. ИЖБОЛДИНА

Корректор Н. РУДНИЦКАЯ

Сдано в набор 13/IX-63 г.

Подписано к печати 25/X-63 г.

НМ 00227. Бумага 84X1081/32

Печ. л. 3,36 + 1 вкладка

Уч.-изд. л. 3,78

Тираж 15.000

Заказ 5826. Цена 17 коп.

Книжное издательство. Волгоград, КИМ, 6.

Областная газетно-книжная типография,
Волгоград, Привокзальная площадь.

По енисейскому берегу (Утес Караульный)

...и далее в Казахстан и Среднюю Азию...

17 коп.

ВОЛГОГРАДСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1963